

Семинар в Париже (10 июля 1978)

Семинар состоялся в Париже 10 июля 1978 года и был организован Д-ром Соломоном Резником и был опубликован в 1986 в журнале "Revue Psychoterapie Psychoanalytique de Groupe". На английском языке ранее не публиковался.

Бион: Я должен объяснить, почему мне придется говорить на английском языке. Отчасти потому что я не говорю по-французски, хотя я учил этот язык так, как его преподают в частных школах в Англии, но такой французский вы не сможете понять. Есть также другие причины, которые станут ясными в ходе нашей дискуссии.

Я бы хотел, чтобы вы рассматривали это как профессиональную конференцию, в которой рассматривается единая проблема, которая затрагивает нас всех. Например, молодой человек 25 лет жалуется на неудовлетворительную семейную жизнь. Я не знаю, о какой семье он говорит, и во время предварительной беседы я спрашиваю о его возрасте и он говорит, что ему 42 года. Сорок два? Но я только что сказал, что ему 25. Посмотрев на него внимательней, я замечаю морщины на его лице и время от времени я думаю, что он выглядит скорее на 62 года, чем на 42 или 25. Так каков же его возраст? Семинар в Париже (10 июля 1978) Семинар состоялся в Париже 10 июля 1978 года и был организован Д-ром Соломоном Резником и был опубликован в 1986 в журнале «Revue Psychoterapie Psychoanalytique de Groupe». На английском языке ранее не публиковался.

Бион: Я должен объяснить, почему мне придется говорить на английском языке. Отчасти потому что я не говорю по-французски, хотя я учил этот язык так, как его преподают в частных школах в Англии, но такой французский вы не сможете понять. Есть также другие причины, которые станут ясными в ходе нашей дискуссии.

Я бы хотел, чтобы вы рассматривали это как профессиональную конференцию, в которой рассматривается единая проблема, которая затрагивает нас всех. Например, молодой человек 25 лет жалуется на неудовлетворительную семейную жизнь. Я не знаю, о какой семье он говорит, и во время предварительной беседы я спрашиваю о его возрасте и он говорит, что ему 42 года. Сорок два? Но я только что сказал, что ему 25. Посмотрев на него внимательней, я замечаю морщины на его лице и время от времени я думаю, что он выглядит скорее на 62 года, чем на 42 или 25. Так каков же его возраст?

Первый вопрос, который я задам вам: возьмете вы этого пациента или нет? Я не предлагаю вам сказать это пациенту, мне или еще кому-нибудь, но что вы скажете себе? Если вы хотите записать ваше непосредственное впечатление, было бы интересно, если бы вы сделали пометку «да» или «нет». Чтобы ответить на этот вопрос, я предлагаю использовать процедуру, в которой я принимаю «угол зрения» («vertex»), который поможет сформировать впечатление, хочу ли я видеть этого пациента снова.

Предположим, Вы пришли в книжный магазин, выбрали книгу, просмотрели пару страниц и прочитали то, что я сейчас сказал. Положите ли вы книгу и обратите внимание на другую? Или вы захотите прочитать еще несколько страниц, прежде чем решить, читать эту книгу или нет? Вот мой второй вопрос: интересна ли вам история; хотите ли вы читать ее дальше?

Я попробую по-другому: предположим, это был отрывок музыки, который вы услышали. Заинтересует ли вас такой вид музыки? Решите ли вы пойти на концерт послушать это музыкальное произведение целиком? Или вы решите, что эта музыка не для вас? Это другая точка зрения. Конечно, в реальности, у нас не так много времени, но сейчас мы можем поиграть в эту небольшую игру.

Снова изменим точку зрения: предположим, вы идете через здание и увидели на полу цвета, отбрасываемые светом, проходящим через окно. Heredia, в стихотворении «Витраж», описывает портреты на могильных надгробиях: они не могут ни видеть, ни слышать, но их глазами из камня они могут смотреть на эти расстилающиеся по полу цвета. Когда этот пациент говорит со мной и свет падает на нашу беседу, какие цвета вы видите? Нравятся ли они вам? Хотели бы вы провести там больше времени? Хотели бы вы рассмотреть окно, через которое проникает солнечный свет, чтобы узнать, как оно сделано?

Я не буду продолжать, потому что я бы хотел, чтобы вы подумали о различных точках зрения, которые вы можете применять, когда вы сталкиваетесь не с книгой, не с картиной, не с окном, а с человеком. Какую тень он отбрасывает у вас в голове?

Возвращаясь к ситуации анализа, скажем ли мы этому пациенту приходит снова? Перевернем ли мы страницу или послушаем еще несколько тактов музыки или мы остановимся? Каждый из нас должен ответить на этот вопрос самостоятельно. Я пока не прошу вас принимать психиатрическую точку зрения — еще слишком рано. Вы произнесли лишь несколько фраз в течении нескольких минут беседы с этим человеком. Склоняетесь ли вы к тому, чтобы сказать «Я думаю, нам лучше встретится завтра» или через неделю, или «Давайте встретимся через месяц»? Никто не может решить это за вас, потому что никто не знает, что вы за человек или на что вы способны.

Другая причина, по которой я говорю на английском, заключается в следующем: мне знакомы такие фразы как зеленый от зависти, желтый от ревности, черный от отчаяния, красный от гнева. Думаете ли вы так? Если да, то какие цвета вы видите в вашей беседе? Какими цветами вы бы нарисовали ваш разговор? Вы можете сказать, что вы не художники, но для вас очень важно знать, кем или чем вы являетесь. Это одна из причин, по которой мы придерживаемся мнения, что люди должны пройти анализ, чтобы привыкнуть к тому, кем они являются. Маловероятно, что вы уже открыли это для себя. Поэтому, хотя возможно вы склоняетесь к мнению, что вы не рисуете, я считаю, что вы рисуете. Поэтому выберите ваши цвета, не делайте записи об этой истории, нарисуйте знаки на бумаге. Используйте простые цвета — такие как синий, черный, желтый, зеленый. Потом посмотрите на них — и вы поймете, чем вас поразили этот пациент. Если бы вы были музыкантом, какую музыку Вы бы сочинили? Если бы Вы были писателем, какой язык бы вы выбрали? Французский? Французский, на котором говорят в Париже, в Миди, или в Турине?

Итак, слушая разговор между вами и вашим пациентом, подумайте, на каком языке говорит он или она, Вы или оба из вас?

Вопрос: Интересно отметить, что по-французски мы скажем скорее «Желтый от зависти», чем зеленый.

Бион: Вот почему так важно знать, не на каком языке говорят во Франции или в Англии — эти географические границы не имеют значения, если речь идет о сознании или о характере или о личности — а позаимствовать язык художников, музыкантов и так далее

и использовать его применительно к такой необычной ситуации, с которой мы сталкиваемся.

Вопрос: Вы считаете, что мы имеем возможность выбирать точку зрения?

Бион: Да, и чем больше Вы знаете про себя, тем легче Вам выбрать нужную точку зрения для данной проблемы. Например, посмотрите на человека, которого я попытался описать, и решите, пойдете ли Вы с ним в горы? Выберете ли Вы его как члена команды Тур де Франс? Забудьте про психоанализ и психиатрию на минуту — есть ли что-нибудь, для чего бы Вы его выбрали? Нравится нам это или нет, но выбор произволен, потому что анализ прodelывается каждым из нас в одиночестве — это одинокое занятие. Мы привыкли к мысли, что психоанализ — это попытка создания научного подхода к человеческой личности. Такой взгляд придает большое значение фактам, правде, реальности. Если это так, тогда существует множество людей, которые являются учеными без этой официальной категоризации. Художник, например, может считать, что картина должна быть правдой от правды, что она должна показывать вам некий аспект реальности, который Вы можете не замечать. Он не психоаналитик, он рисует картину. Посмотрите на его картину и тогда Вы сможете сказать, как выглядит лицо или дерево. Если писатель описывает придуманные характеры, такие как Фальстаф, Лир, Отелло, Макбет, то они по крайней мере напоминают нам реальных людей. Напомнила ли вам последняя научная статья в Международном журнале психоанализа живого человека?

Вопрос: Вы считаете, что ситуация анализа может быть дегуманизирующей?

Бион: Я считаю, что такая опасность существует. Я часто встречаюсь с тем, что считается научным психоанализом, но он только наводит на меня скуку.

Ситуация в кабинете, отношения между двумя этими людьми, это похоже на тлеющий костер. Есть ли там искра, которая позволит раздуть пламя? В том небольшом отрывке который я описал, нам пришлось бы проверять, наблюдать, уделять внимание психическим осколкам (mental debris) — кусочки того, чему нас учили, кусочки того, чему мы научились, немного того, чему научился пациент. В анализе мы видим полные развалины. Что случилось с лицом человека, которому сорок два года? Почему он выглядит на двадцать пять или на шестьдесят два года? Почему он говорит, что ему сорок два? Это все части обломков. Складываются ли эти кусочки вместе? Сможете ли Вы сложить их вместе так, чтобы они имели смысл?

Вопрос: (плохо слышное упоминание «психотического переживания»)

Бион: Мысль о том, что это психотическое переживание очень церебральна. В анализе мы озабочены вещами, которые могут быть точно выражены церебральными терминами, но нам так не кажется как практикующим аналитикам. Это одна из причин, по которой мы должны смириться с фактом, что пациенты не приходят к нам с привязанными маленькими табличками, на которых написано «маниакальный», «депрессивный» или «маниакально-депрессивный» или «шизофреник». Если они приходят к нам с такими табличками, то нам следует рассматривать их как еще большее количество обломков. Когда я называю это обломками, я не имею ввиду, что это что-то недостойное внимания. Я имею ввиду, что это что-то, что следует внимательно и очень осторожно рассматривать и исследовать, иначе вы можете выкинуть необходимую, живительную искорку. Можно позволить себе отбросить воображаемые предположения на основании, что они не научны — Вы можете выкинуть семя растения на основании, что это не дуб или не лилия, а мусор. Это применимо ко всему, что происходит в Вашем кабинете.

Но я предлагаю, что будет стоящим считать это не вашим кабинетом, а художественной студией. Какой вы художник? Вы гончар? Художник? Музыкант? Писатель? По моему опыту множество аналитиков не знают, какие они художники.

Вопрос: А что если они не художники?

Бион: Тогда они выбрали не ту работу. Я даже не знаю, какая работа подойдет, потому что даже если они не психоаналитики, они должны быть художниками по жизни. Математик может увидеть, что алгебраическая формула красива; музыкант может слышать ноты, которые всего лишь знаки на бумаге. Даже используя язык, который я знаю лучше всего, я не могу сказать вам, кто такой «художник». Я предпочитаю, чтобы вы пошли дальше этого слова и увидели то, что я пытаюсь передать вам этим неподходящим словом. Это точно не тот, кто может обмануть ваши глаза, заставить вас увидеть дерево там, где его нет, скорее это кто-то, кто сделал так, чтобы вы могли увидеть, что это на самом деле дерево и увидеть его корни, даже если они под землей.

Я предполагаю, что за этим сорокадвухлетним мужчиной спрятана личность, и у этой личности есть корни, бессознательное, которое подобно корням скрыто от глаз. У дерева не только ветви и листья с прожилками, под землей находятся корни. Когда этот человек входит в Вашу комнату, что Вы видите? Я не просто спрашиваю, что вы видите вашими глазами, но также что ваша интуиция позволяет вам увидеть?

Вопрос: Когда Вы сравниваете корни дерева с бессознательным, вы имеете в виду что-то, что может быть описано как корни бессознательного, или бессознательное как корни?

Бион: Нет. «Бессознательное» — это всего лишь одно из слов, придуманных Фрейдом, для того, чтобы привлечь внимание к тому, что на самом деле существует. Но, как это обычно бывает, люди привязываются к слову и появляются эти нескончаемые и скучные — для меня — положения о кляйнианской теории, теории Абрахама и всех других теориях.

Они не могут меня интересовать, потому что они позволяют забыть о том, что, насколько я знаю, существует такая штука как сознание человека или личность. Я не верю, что кто-то открыл, как следует описывать характер или личность, хотя действительно хороший портретист может нарисовать так, что будут видны не только цвет кожи или очертания тела. Один английский художник нарисовал портрет Уинстона Черчилля. Его жена так ненавидела его, что она уничтожила портрет. Хотя многие люди считали его очень удачным портретом. Художник, Грэхем Сазерлэнд, не был психоаналитиком или кем-то из этой области, но был ли он аналитиком или нет? То же самое вы можете сказать мне: «Да, но я не Сезанн и не Сазерлэнд».

Я не хочу льстить Вам, но все что я могу сказать — Откуда Вы знаете, что Вы не художник? Вы уже были в вашей мастерской и узнали, каким искусством вы занимаетесь?

Вопрос: Расскажите что-нибудь про понятие «катастрофической ситуации», которое вы описали. Бион: Слово «катастрофа» можно рассматривать в свете того, что идет в противоположном направлении. Я думаю об этом как о «breaking down», что очень близко по смыслу к метафоре «breaking up».

В ситуации анализа аналитик пытается сделать сознательными, вывести на уровень осознания вещи, которые пациент часто пытался всю жизнь сделать неосознанными. В комнате два человека, они встречаются в одно и тоже время в одном и том же месте, но

они думают в разных направлениях. Они бы договорились, если бы аналитик согласился стать очень нарушенным и страдать тем же видом невроза или психоза, что и пациент. Но обычно предполагается, что аналитик не должен терять способность осознавать мир реальности, хотя он может уделять внимание миру иной реальности. Вот самый простой пример, который я могу привести: мы находимся в состоянии сознания, которое обычно известно как бодрствование и осознание того, что происходит — так нам кажется. Но когда мы спим, мы находимся в другом состоянии сознания. Разделение на день и ночь не очень ясное, но мне оно кажется полезным, если мы сохраняем ценную возможность засыпать, также как и ценную возможность просыпаться. Такое «объединение» может казаться не очень гармоничным. Например, пациенты говорят, что они видели сны, но они не принимают их всерьез; они не расположены рассказывать вам, что им снилось и что они видели. Они говорят «Ну, у меня просто был сон».

Я не знаю, почему у них «просто был сон». Если бы желудь сказал «Ну, это просто корни», что бы вы подумали? В конце концов, даже желудь на дубе в чем-то зависит от корней. Так как же мы потупим с пациентом, у которого «просто был сон»? Фрейд считал, что ко снам нужно относиться с уважением — мне кажется, что это важная часть его работы, но я не считаю, что подошли к тому, чтобы использовать последствия отношения ко снам с уважением.

Вопрос: (Вопросы про значения выражений «breaking down» и «breaking up». Во французском нет прямых эквивалентов)

Бион: Что пациент говорит вам, когда он думает, что он сходит с ума?

Мы должны узнать у пациента, что это значит. Когда он говорит, что он breaking down, по-видимому именно так выглядит срыв (breakdown). Вам не нужно думать, что диагноз пациента правильный, но вы можете сами посмотреть на то, что он называет «breaking down». Тогда у вас появляется возможность, используя ваши чувства, понять, что значит это слово и на каком языке говорит пациент. Не хорошо говорить, что он разговаривает на французском или на английском, это слишком грубо.

Вопрос: Особенности языка развиваются в «студии» художника?

Бион: Да, и особенности того, что аналитик делает. Картины горы св. Виктории Сезанна не будут похожи на мои, если бы я делал фотографии. В чем разница? Чтобы понять, вам нужно посмотреть на картины — это единственный язык, на котором Сезанн мог разговаривать, чтобы передать мне то, что мне следовало бы увидеть, когда я смотрю на эту гору.

Ваши пациенты не очень хорошие художники, но обычно они знают, что значит испытывать те чувства, которые у них есть. Когда они пытаются рассказать об этом вам, их словарь ограничен. Поэтому послушайте, что они говорят и посмотрите как они выглядят, сравните впечатления и сделайте свои выводы что с ними происходит — если говорить на английском — распадаются ли они (breaking up), срываются (breaking down) или прорываются (breaking through).

Чаще всего пациент описывает то, в существовании чего я уверен — психическую боль (mental pain).

Если это физическая боль, то вы можете спросить «Какая это боль?»

С нашими пациентами мы должны различать (распознавать) разные имена, которые они дают боли: тревога, страх, ужас, растерянность, стыд и так далее. Все это разновидности боли. Если вы попытаетесь нарисовать их, вам нужно использовать разные тона, но психоаналитики должны придумывать свой язык. Материал, с которым мы работаем, невидим, его нельзя пощупать.

Иногда кажется, что пациент не может общаться и хочет подержать вашу руку, использовать физический способ общения. Большинство аналитиков ограничивают себя вербальным общением, но это только недавно открытый способ общения — не очень хороший способ, но лучший из всех, что мы знаем.

Вопрос: Недавно у меня был пациент, который не считал нужным разговаривать, чтобы общаться со мной.

Бион: Такие пациенты не понимают возможностей вербального общения. Они понимают необходимость мочиться, испражняться и даже дышать. Поэтому, когда они говорят, они осознают мускульную активность выделения, но не психическое качество мыслей.

Вопрос: Это соотносится с моим опытом с этим пациентом. Однажды он был напуган из-за своего друга, которого звали Пьер. Он думал, что очень сложно... (неразборчиво)... это было похоже на исторжение камней изо рта.

Бион: Очень сложно понять что-то, если вы не видели пациента. Возможно, что он находился под впечатлением от мышечного сокращения. В таком случае он мог бояться либо потерять часть своей личности, когда он разговаривает, либо поранить аналитика этими камнями; он мог сказать очень болезненные, грубые, оскорбительные вещи. Или может быть такое рациональное предположение: он боится, что если будет спонтанным или естественным, то он скажет оскорбительные вещи, которые сильно разозлят аналитика.

Когда такой пациент говорит с аналитиком, какой аспект себя он выражает? Может он осознавать, как растут камни в его почках задолго до того, как что-то будет видно на рентгеновских снимках или при физическом осмотре? Кроме общепринятых мыслей о том, что ответить на свободные ассоциации пациента, возможно такое затруднение: телесный симптом, химический симптом, формирование камней раньше всего появляется в сознании, чем где-либо еще. Вопрос в том, что вы скажете пациенту?

Как вы превратите ваши мысли, чувства, идеи о том, что происходит в вербальный язык, который пациент поймет и который, кроме того, будет правильным? Это очень сложный вопрос, и ответить на него можно только, если вы находитесь в своем кабинете.

Вопрос: Интересно, может ли происходить то же самое с детьми ... (неразб. фрагмент)

Бион: Трудно узнать, где источник боли. Дети сегодня часто остро чувствуют, что происходит; они знают очень многое об их школах, их учителях, о городе или о стране, в которой они живут. Но это не то же самое, что знаем мы как взрослые. Когда они рассказывают вам что-то, вы можете быть достаточно уверенны, что эта информация очень важна, но у них мало опыта. Они прожили слишком мало, чтобы понимать, что их информация или их ощущения говорят им. Для ребенка абсолютно естественно хранить верность сверстникам и поэтому он не хочет передавать информацию кому-то из другого поколения. Поэтому существует не просто разница между бессознательным и сознанием,

хотя она похожа; это разница между тем, как ребенок напоминает Вам того, кем Вы сами когда-то были и тем, кем Вы являетесь сейчас.

Возможно, Вы забыли, что ребенком Вы были преданны другим мальчикам и девочкам и не рассказывали родителям о том, что вы знали и не считали опасным, потому что у Вас не было достаточно опыта, чтобы знать, что это опасно.

Поэтому проблема частично связана с Вами, частично с тем конкретным ребенком, который приходит к Вам, но также связана с тем, что я описал как «известность» («the vogue»). Я не имею в виду моду, которая является лишь временным выражением известности, а саму известность — силу, которая существует, существует всегда и она очень влиятельна.

Мне кажется, что мы надолго оставили интервью с сорокадвухлетним мужчиной. Здесь мы можем обсуждать проблему достаточно долго, но не в кабинете. Вопрос в том, почему он напоминает мне молодого двадцатипятилетнего человека? И почему, когда я смотрю на него, мне кажется, что ему шестьдесят два? В этот момент я спрашиваю себя, есть ли у него дети. Сделали ли бы они его старше или младше? Я думаю, я хочу его увидеть еще; тогда я смогу узнать, женат ли он, или родились ли у него и его девушки дети.

Я привык к идее психического конфликта, но существуют ли физические конфликты? Может ли человек выглядеть одновременно на двадцать пять и шестьдесят два, но не на сорок два? Какие мышцы тела используются? Голосовые связки — лишь некоторые из них, но что еще? Как насчет его кожи? Что насчет морщин на его лице или их отсутствия? Как это происходит? Должны ли мы как психоаналитики обращать внимание на физический конфликт также, как и на психический?

Я помню одного пациента, который всегда был готов сотрудничать и спустя какое-то время — боюсь, слишком долгое время — мне стало ясно, что это единственный пациент, который не меняет вид кушетки. Когда он уходил, она выглядела так, как будто на ней никто не лежал. Потом я вспомнил, что он лежал каждый раз, когда приходил, ровно на одном и том же месте. Это привело меня к мысли о том, что это было нечто вроде каталепсии, психической каталепсии.

Я не могу сказать, что у него были сны, и я не могу сказать, что он бодрствовал; он был между двумя этими состояниями. Он не был в бессознательном состоянии; он не был в сознательном. Как он жил строго в таком состоянии ума? Физически он мог лежать строго в одном положении на кушетке, потом стало ясно, что то же самое он делал психически.

Вопрос: Я бы хотел сделать два замечания. Во-первых, здесь в Париже, к сожалению, не встает вопрос о том, брать ли пациента. Во-вторых, мне говорили много раз о том, что пациенты хотят прекратить анализ, но их аналитики не хотят отпускать их.

Бион: Я обращаюсь к выражению, которое кажется мне полезным, позаимствовав термин у математиков — «абсолютная инициатива». Под «абсолютной» я имею в виду в любом направлении — инициатива идти назад; инициатива идти вперед. Важна сама инициатива, а не направление. Мне кажется, что это очень близко чему-то фундаментальному и основному, даже физически, почти как функции или импульсы, которые зарождаются, если активизируются надпочечники, позволяя вступить в схватку или убежать, приближаться к опасности или удаляться от нее. Я говорю «инициатива», чтобы

обозначить эту нейтральную точку посередине. Кто дает рождение ребенку? Мать, или созревший плод? Показывает ли как-то созревший зародыш, что он достаточно пребывал внутри матери? Или мать показывает, что она достаточно носила эту ношу? Это яркая иллюстрация того, что я сказал. Начнем сначала.

Хочет ли пациент видеть аналитика, или аналитик хочет видеть пациента? Я считаю, что ситуация с каталепсией представляет собой вариант бегства, Вы так не считаете.

На днях я услышал интересное сообщение о пациенте, который кажется упомянул четырнадцатое июля. По-видимому, он много говорил, но ничего, что касалось бы падения Бастилии или о людях, которые танцевали на улицах по случаю праздника. Для меня это похоже на то, как будто мы смотрим на рентгеновский снимок, на котором мы можем видеть легкие, но почему в этой части затемнение? Почему мы не можем ясно увидеть ребра? Что не так в этой истории? Пока вы смотрите на эти осколки, как я это называю, вы должны также осознавать, что не так с историей, которую вам рассказывают. Чего не хватает? Вы услышали только начало, и вам наверняка придется увидеть пациента снова. Но если вы так поступите, то вы также начинаете анализ и можете обнаружить, что вы не хотите продолжать встречаться с этим пациентом, но этот пациент хочет продолжать встречаться с вами. Вы должны быть готовы к такой возможности в любой момент. То же самое относится к вашей мастерской: возможно, вы еще не решили, какой именно вы художник, но если вы понимаете, в чем вы достаточно хороши, возможно, вам придется, так сказать, мужественно переносить невзгоды, и выяснить, что вы можете сделать имеющимися средствами в вашей студии.

Очень важно понимать, что вы никогда не будете удовлетворены карьерой аналитика, если вы будете строго придерживаться того подхода, который называется «научным». Вы должны иметь возможность почувствовать, что интерпретация, которую вы даете, красивая, или что ответ пациента красивый. Этот эстетический элемент красоты делает очень сложную ситуацию переносимой. Так важно позволить себе думать или чувствовать все, что вы думаете или чувствуете, неважно насколько это ненаучно.

Записано с аудиокассет Франческой Бион в сентябре 1999

Jose-Maria de HEREDIA (1842–1905)

Cette verriere a vu dames et hauts barons
Etincelants d'azur, d'or, de flamme et de nacre,
Incliner, sous la dextre auguste qui consacre,
L'orgueil de leurs cimiers et de leurs chaperons;
Lorsqu'ils allaient, au bruit du cor ou des clairons,
Ayant le glaive au poing, le gerfaut ou le sacre,
Vers la plaine ou le bois, Byzance ou Saint-Jean d'Acre,
Partir pour la croisade ou le vol des herons.
Aujourd'hui, les seigneurs aupres des chatelaines,
Avec le levrier a lewurs ongues poulaines,
S'allongent aux carreaux de marbre blanc et noir;
Ils gisent la sans voix, sans geste et sans ouie,
Et de leurs yeux de pierre ils regardent sans voir
La rose du vitrail toujours epanouie.

Я хочу выразить благодарность переводчику этого замечательного текста Богомолу Виктору (Москва). Спасибо. Владимир Филипенко.

По материалам - <http://www.gestalt.by/>